

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ: НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИСКУРСА

Рассмотрена одна из актуальных и недостаточно изученных проблем современного научного знания – проблема политической морали. Показана необходимость синтеза двух подходов к ее рассмотрению – философского и политического. Соответственно выстроены два исследовательских ряда: политическая мораль – «общая мораль», политическая мораль – политика.

Трансформация российского общества, затронувшая все сферы общественных, в том числе и политических отношений, выдвинула ряд первоочередных проблем, которые нуждаются в актуализации и концептуальном осмыслении. К их числу относится проблема, получившая, на наш взгляд, недостаточное освещение в политической литературе – проблема политической этики и политической морали.

Понятие «политическая этика» введено в терминологический корпус отечественной науки в начале 1990-х гг., причем не представителем политической науки (в силу зачаточного состояния политологии), а философом, крупнейшим специалистом в области этики Ю.В. Согомоновым, который инициировал обсуждение названной темы на состоявшемся в сентябре 1990 г. во Владимире симпозиуме «Этика и социология политической деятельности». В том же году им совместно с В.И. Бакштановским был издан труд «Введение в политическую этику». Уже тогда были сформулированы такие аспекты обсуждения темы, как исторические формы развития политической морали, власть и мораль, политическая совесть, нравственная цена политической целесообразности и др. Ю.В. Согомонов и В.И. Бакштановский обозначили и некоторые основания формулирования концепта «политическая этика»: этика российского президентства, толерантность, парламентская этика, этика политической журналистики. За время, прошедшее с начала 1990-х гг., отечественное обществознание претерпело кардинальную перестройку; политология стала полноправной частью российской науки. Однако это обстоятельство не сопровождалось детальной проработкой проблем политической этики и политической морали. Можно констатировать, что, к сожалению, до сего времени политическое знание испытывает дефицит серьезных исследований по теме «политическая мораль».

Прежде всего следует обозначить такой аспект обсуждения проблемы, как выяснение содержательного смысла понятия «политическая мораль».

Интерпретируя политическую мораль в обозначенном ракурсе, мы выделили бы так называемые нормативистские определения, в которых акцент делается на идеалах, ценностях, целях и нормах, которые она должна реализовать. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов определяют политическую этику «как совокупность ценностей и норм, ориентирующих и регулирующих действия политиков, а шире – всех, кто вовлечен в сферу политики в качестве активно действующего лица» [1. С. 203]. Близкое по содержанию определение политической этики формулируют Д.И. Петросян и Е.П. Потапова: «Политическую этику можно опреде-

лить как особую совокупность норм и ценностей, регулирующих взаимоотношения между субъектами политического процесса, как своеобразную “двойную узду” (Дж. Милль), сдерживающую и государство, и подданных; и элиты, и массы» [2. С. 156].

Достоинство приведенных определений заключается в том, что в них предпринята попытка конкретизации норм нравственности применительно к политической сфере. В названных определениях имеется в виду, что общими ссылками на ценности общечеловеческой нравственности, признанием всеобщего характера моральных требований, обязательств, ответственности и оценок ограничиться нельзя. Конкретизация непреложных императивов общечеловеческой нравственности означает определенную их трансформацию, но не в том смысле, что происходит смена абсолютов всеобщих моральных требований и оценок на релятивы, частные требования и оценки, а в том смысле, что новое абстрактное качество обретается через «снятие» старого качества, его приспособление к иному. В то же время в приведенных определениях, поскольку они сформулированы философами, а не представителями политической науки, не до конца учитывается специфика политики как особой сферы, сопряженной с властью и властными отношениями. Политические отношения складываются между людьми, занимающими различное место в иерархии властных отношений: с одной стороны, теми, кто обладает несоизмеримым потенциалом политических возможностей, и, с другой стороны, теми, кто таким потенциалом не обладает; теми, кто выполняет функции принуждения, регулирования и управления, и теми, кто такие функции не выполняет. «Политическое» в аспекте учета специфики власти и властных отношений должно, на наш взгляд, войти в определение политической морали в силу интегративного характера ее природы, в которой синтезируются политические и нравственные начала. Кроме того, названные авторы не проводят различия между понятиями «политическая этика» и «политическая мораль», фактически рассматривая их в синонимичном смысле.

Следующая группа определений фиксирует не столько нормативные аспекты, сколько особенности политической морали как специфического вида регулирования политических отношений. Так, известный английский этик и политический философ Стивен Льюкс формулирует следующее определение политической морали. «Под политической моралью, – подчеркивает С. Льюкс, – подразумеваю совокупность принципов, описываемых на весьма абстрактном уровне, которые лежат в основе различных частных политических позиций, занимаемых теми, кто разделяет эти позиции од-

новременно или в разное время. Это те политические позиции, которые ценятся сами по себе, так что неудача в обеспечении такой позиции или снижение уровня ее обеспеченности равнозначны... понижению ценности всего политического устройства» (цит. по: [З. Р. 184]).

Во-первых, названное определение имплицитно приводит к формулированию вывода о том, что следование императивам политической морали предполагает принятие ответственных, рациональных, взвешенных решений всеми участниками политического процесса. Политическая мораль фиксирует нечто общезначимое для всех политических групп и в этом смысле носит универсальный характер.

Во-вторых, императивы политической морали носят обобщенный, отвлеченный характер. Различные этажи общечеловеческой морали, проявляющиеся в экономических, политических, правовых отношениях, отнюдь не сопровождаются понижением уровня ее абстрактности, приспособления к изменяющейся и полной конкретике действительности.

В-третьих, соблюдение принципов политической морали рассматривается как необходимое условие функционирования релевантной политической системы.

Одним из немногих авторов, предпринявших попытку объяснить политическую мораль, исходя не только из внутренне присущих ей содержательных смыслов, но и в аспекте соотношения с другими родственными явлениями, а именно – с политической этикой, является исследователь проблем политической философии Б.Г. Капустин. Приняв за основу дифференциации названных понятий такой критерий, как различие установки сознания и деятельно-практическое отношение к действительности, Б.Г. Капустин формулирует следующие аргументы:

- политическая этика – это нормативные ориентиры действия, причем действия коллективного, реализуемого благодаря принадлежности к некоторой политической ассоциации; политическая же мораль – это ценности индивидуального мышления;

- политическая этика находит отражение в институциональных структурах общества; политическая мораль этой способностью опредмечиваться не обладает;

- политическая этика и политическая мораль различаются по субъектам, в первом случае ими выступают граждане, во втором случае – частные лица [4. С. 251–254].

Полагая, что сформулированная точка зрения имеет право на существование, считаем, что обозначенная дифференциация «политической морали» и «политической этики» включает в себе моменты некоторого противопоставления их друг другу и исключает возможность «переливов», перехода названных явлений друг в друга. Предложенное различие понятий «политическая этика» и «политическая мораль» отчасти «трещит» отрывом взглядов, представлений, идей, направленных на объяснение действительности, выявление ее закономерностей и существенных связей, от практических реалий. Между тем никакие мыслительные формы не могут быть свободны от самой политической действительности, ее исходных противоречий, начал и тенденций движения, воплощая лишь поднятое на тот или иной уровень обобщение того, что наличествует в самой «материи жизни».

В конечном счете проблема соотношения политической этики и политической морали – это проблема соотношения теории и самой практической действительности. В обозначенном контексте под политической этикой мы понимаем теорию, видящую свою цель в обосновании модели достойного поведения в сфере политических отношений. Политическая этика выступает как теория политической морали, как наука, объектом которой являются проявления морали в политической жизни. Политическая этика выясняет место моральных норм, ценностей и представлений в системе политических отношений, анализирует их природу и внутреннюю структуру. Политическая этика выступает теорией политической морали, которая использует в то же время характерные для этики и политической науки познавательные формы – понятия, методы, принципы и схемы объяснения, т.е. все то, что объединяется понятием научного стиля мышления.

Что же касается политической морали, то она выражает специфический тип регуляции политических отношений, направленный на их гуманизацию. Понятие «политическая мораль» представляет собой совокупность ценностей и норм, разрешений и запретов, ориентирующих и вместе с тем регулирующих действия всех участников политического процесса, направленных на завоевание, удержание и использование политической власти. «Политическая мораль» фиксирует нормы поведения, общения и отношения, которые согласуют взаимодействия различных субъектов политической жизни, сглаживают противоречия альтернативных целеполаганий участников политического процесса: индивидов, политических партий, групп и общественных движений.

Природа политической морали носит интегративный характер, и поэтому ее интерпретация, с одной стороны, предполагает развитие исследовательской линии, направленной на выяснение соотношения политической морали с «общей моралью», и развитие дискурса «общечеловеческая мораль – политическая мораль». С другой стороны, существенным аспектом изучения политической морали является подход, предполагающий конкретизацию ее содержания через призму соотношения с политикой и учета специфики политической жизни вообще. Отсюда неизбежность возникновения следующего исследовательского ряда: «политическая мораль – политика».

Итак, первым аспектом сущностного анализа содержания понятия «политическая мораль» является теоретический анализ, направленный на выяснение соотношения общечеловеческой и политической морали.

Общечеловеческая мораль представляет собой моральные требования, направленные на сохранение и поддержание целостности социума как целого. Она не составляет особой сферы действительности, имеющей внешне очерченные контуры, и пронизывает все многообразие общественных отношений. Как справедливо подчеркивал О.Г. Дробницкий, «мораль регулирует поведение и сознание человека во всех сферах общественной жизни – в труде, в быту, в политике, в науке, в семейных, личных, внутригрупповых, межклассовых и международных отношениях, а также его отношениях с природой» [5. С. 378].

Это правила взаимоотношений между людьми, выработанные в процессе исторического развития, имеющие социально-всеобщее значение и распространяющиеся на всех людей. Разрыв с локальной формой проявления, выход на внегрупповой, точнее, надгрупповой уровень регулирования социальных отношений составляют одну из самых существенных характеристик нравственности. Это обстоятельство достаточно отчетливо прослеживается на различных структурных уровнях общечеловеческой морали, к которым относятся:

- простые нормы, элементарные правила всякого общежития (честность, справедливость, великодушие, открытость, дружелюбие и т.д.), составляющие общий фон моральности, в котором нуждается коммуникация людей независимо от групповой принадлежности. Это тот золотой фонд нравственности и культуры, без которого немислимо существование общества. Нельзя не согласиться с Р. Соколовой, которая пишет о том, что «общечеловеческие ценности не являются просто выдумкой, пустой мечтой, за ними глубоко пережитый исторический опыт человечества, его потенции и устремления» [6. С. 56];

- некоторые психологические состояния, являющиеся неотъемлемой частью моральных переживаний. Формы проявления этих состояний (угрызение совести, ощущение стыда, вины, раскаяния) опять-таки не поддаются интерпретации с точки зрения признания дифференцированности общества на отдельные политические группы. Напротив, проявления названных внутридушевных состояний у представителей различных политических групп весьма схожи, иначе индивиды не могли бы себе представлять чужой нравственный опыт, не могли бы его понимать и воспринимать;

- позитивный вклад в нравственный опыт человечества, включающий в себя представления о достоинстве человека, моральном равенстве людей, необходимости гуманных отношений, нетерпимости к каким-либо формам унижения достоинства человека.

Взаимоотношения общечеловеческой и политической морали определяются не логикой однократного перехода первой во вторую, а носят характер гибкого взаимодействия, обусловленного ситуативно меняющимися обстоятельствами. Учитывая сложность и неоднозначность подобного взаимодействия, К.А. Сулимов пишет, что очень трудно ответить на вопрос о том, «каким образом должно происходить сочетание этих двух подходов, которые... рассматриваются как противостоящие. Напрашивается предположение, что речь идет о произвольном переключении с первого на второй... Где система координат, в которой должны осуществляться подобные переключения? Точкой отсчета здесь не может служить система моральных ценностей общечеловеческого характера» [7. С. 115]. Признавая диалектический характер взаимодействия общечеловеческой и политической морали, считаем точку зрения К.А. Сулимова нуждающейся в уточнении. Она, на наш взгляд, не включает в себе конструктивного начала, потенциала для дальнейшего творческого развития, ибо, опровергая сформулированное другими авторами, К.А. Сулимов не предлагает собственное видение проблемы. Вопрос о системе координат, альтернативной обще-

человеческой морали он оставляет без ответа. Мы полагаем, что общечеловеческая мораль по-прежнему остается приоритетной системой в нравственной оценке политических явлений. Трудно в этом контексте не согласиться с авторитетными исследователями проблем политического насилия А.В. Дмитриевым и И.Ю. Залысиным, которые пишут о том, что в настоящее время общечеловеческая мораль «является наиболее гуманной этической системой, нравственным эталоном. Общечеловеческая мораль подтверждает право каждого человека на гуманное обращение, и признание его самооценности, достоинства» [8. С. 201].

Конечно, рассматривать политическую мораль как специфическое приложение «общей морали» к сфере политики и полагать, что природа политических явлений обуславливается их оценением моральным сознанием, – значило бы упростить проблему. Такой подход мешает осмыслить самостоятельную, автономную природу политической морали, специфика которой определяется во многом местом и ролью в политической жизни, а не концептуальными механизмами приложения морали к политике. В то же время мы считаем крайней другую точку зрения, которая исходит из концепции полного отрыва политической морали от общечеловеческой. Так, Б.Г. Капустин пишет о том, что связь политической морали с общечеловеческой не генетическая, а аналогическая, т.е. «заключается не в производности первой от второй, а в том, что первая использует некоторые характерные для второй приемы формирования суждений и отчасти присущий ей понятийный аппарат» [4. С. 255]. Мы считаем, что связь политической морали с общечеловеческой носит более сложный, диалектический характер. Используя терминологию Б.Г. Капустина, можно сказать, что она и «генетическая», и «аналогическая».

Общечеловеческая и политическая мораль не рядоположенные, изолированно существующие друг от друга феномены. Общечеловеческое проявляется в политической морали, через политическую мораль и не противостоит ей как нечто обособленное, существующее отдельно и автономно. Скорее всего, политическая мораль воплощает общее и своеобразное.

Но связь эта не только генетическая и аналогическая, но и содержательная, атрибутивная. Поэтому размышление о том, что если существует множество нормативных моделей морали (моральной рациональности), то следует поставить вопрос о том, «какой из видов морали должен быть репродуцирован в политической морали», представляется нам несостоятельным [4. С. 257]. Сущностная связь общечеловеческой и политической морали определяется не проекцией на политику систематизированных и логически обработанных концепций морали, а необходимостью нормального жизнеспособного функционирования политического организма. Причем чем шире и глубже выражается в политической морали общечеловеческое содержание, тем в большей мере участники политического процесса нацелены на креативные, созидательные по отношению к политической системе установки и ориентации. Мы согласны с Б.Г. Капустиным в том, что «для понимания политической морали особой и важной проблемой является то, каким образом разные политические ситуа-

ции и коллизии актуализируют или, точнее, активизируют в сознании разных групп людей коды тех или иных видов морали в качестве преобладающих» [4. С. 258]. Конечно, не всегда «коды», нацеленные на ценности толерантности, гибкости, согласия являются преобладающими в той или иной политической ситуации, но доминирование их в перспективе является залогом выживаемости и стабильного функционирования политической системы. Анализ соответствующих политических ситуаций в названном контексте, функцией которых является тот или иной тип морального сознания соответствующих политических групп, и является, на наш взгляд, формой снятия «диктатуры теоретического сознания» и, в конечном счете, основой решения вопроса о «приложимости» общечеловеческой морали к политике.

Рассуждая далее о связи общечеловеческой морали с политической, можно отметить функциональную общность названных явлений. И общечеловеческая, и политическая мораль представляют собой формы регуляции поведения индивидов, и в том и в другом случае органически сливаются оценки и повеление (императив). И общечеловеческая, и политическая мораль означает способ освоения человеком действительности, конструируемой с помощью членения социальных и политических явлений на «должное – недолжное», «доброе – злое», «честное – бесчестное» и т.д. Знание на основе такого рода дихотомии, преломленное в ценностях и освещающее условия морального выбора, преобразуется во внутреннее повеление, в эмоциональное признание обязательности определенного рода поведения.

Нормы общечеловеческой и политической морали носят характер абсолютных оценок, представленных как универсально значимые, и требуют безусловной установки на гуманные, справедливые отношения. Именно в качестве универсальных регулятивов они ориентируют человека в окружающем мире. Причем то, что «эти оценки всегда относятся к некоему конкретному историко-культурному содержанию и значимы только в его рамках, свидетельствует не только об относительности морали, а о независимости от нее того содержания, которое ею оперирует» [4. С. 261].

С другой стороны, очень важно выявить различие общечеловеческой и политической морали. Как уже отмечалось, «общая мораль» не составляет особой сферы общественной действительности и органически сопутствует всякой социально значимой деятельности. Принципы морали фиксируют, по словам О.Г. Дробницкого, «то общее и изначальное, что делает возможным сами эти особые требования и составляет ценностный базис общества, культуру межчеловеческих отношений» [5. С. 378]. Что касается политической морали, то она представляет собой особые требования, предъявляемые к человеку, имеющему прямое или косвенное отношение к сфере политики и политических отношений. Политическая мораль имеет локальную, строго очерченную сферу своего проявления, связанную с требованиями, пролегающими в границах, определяющих специфику публичной и приватной сфер.

Если нормативы общечеловеческой морали «формируются в самой практике массового поведения, в процессе взаимного общения людей и являются отображением жизненно практического и исторического опыта

непосредственно в коллективных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле» [5. С. 378], то нормативные регуляторы политической морали подкрепляются организационной силой политических организаций и учреждений. Нормативы политической морали адресуются определенным лицам и определенными институтами, в то время как в морали адресат не определен четко и ее требования распространяются на всех людей. При этом хотя политическая мораль авторизована, форма политико-моральных суждений остается универсальной, а выраженные в них оценочные суждения имеют значение нравственных ценностей и норм.

Следующим не менее существенным аспектом интересующей нас проблемы является развитие исследовательской линии «политическая мораль – политика». Политическая мораль – это то, что формируется в практике самой политической действительности, поэтому она опосредована различными промежуточными звеньями, конкретизирующими факторами, связанными с возможными способами ориентации в конкретной политической ситуации. Политическая мораль – это общие универсальные принципы политической жизни, исходящие из самого практического опыта, который не может полностью абстрагироваться от меняющейся политической конъюнктуры.

Точка зрения, связанная с возможностью «привязки» политической морали к позициям различных общественных групп, выступающих участниками политического процесса, является самым сложным и неоднозначно решаемым аспектом приведенного определения. Позиции, прослеживаемые в литературе, варьируются в достаточно широком диапазоне. Крайними позициями являются как отрицание возможности политико-морального консенсуса, предпосланного политике и задающего ее рамки, так и допущение возможности регулирования моралью политических отношений. Вариантом компромиссного подхода является точка зрения, согласно которой принципы политической морали могут быть общими для различных политических групп, что же касается разногласий, то они возникают лишь на уровне производных позиций политической деятельности. Сложность, специфичность, деликатность обозначенной проблемы приводит к формированию неоднозначных суждений и заключений. Так, весьма противоречиво решает этот вопрос Б.Г. Капустин: «В общетеоретическом плане такое представление (о возможности политико-морально консенсуса. – Р.С.) кажется мне неверным, хотя более или менее адекватно описывающим положение дел в условиях малой политики современных западных демократий» [4. С. 273].

Политическая мораль не может погасить различий в политической действительности, ее особенностей в том виде, как они представляют различные политические группы и отражают плюрализм политических позиций. Связь между принципами политической морали и производными политическими позициями является вариативной и опосредована действием следующих факторов:

- политика – это взаимодействие политических сил, имеющих различные интересы, подчас сталкивающиеся между собой. Политические институты являются выразителями той или иной идеологии, отражают про-

тивоположные групповые интересы и нацелены на их легитимацию и защиту, а это неизбежно подрывает или ослабляет нравственные требования и нормы организации социальной и политической жизнедеятельности. «Политика, – подчеркивал Р. Арон, – относится к той области общественного развития, где конкурируют и противоборствуют различные политические направления. В политике «борются личности или группы, имеющие свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение» [9. С. 212];

– инверсионность движения, его «маятниковость», непредсказуемость ощущаются в политике больше, чем в каких-либо других сегментах общественной жизни. Непредсказуемость политического действия связана как с изменениями целей в ходе воплощения того или иного политического решения, так и с различной степенью рациональности мотивов участников политической деятельности. Наряду с осознанным выбором субъектами тех или иных средств, в политике, несомненно, присутствуют аффективные моменты;

– основные политические принципы сопряжены с ориентацией на эффективность. Деятельность политических партий, движений и организаций направлена на осуществление политических программ, победу в политических выборах, реализацию тех или иных конкретных политических целей. Именно за результативность своей политической деятельности политики несут ответственность перед членами своих организаций и электоратом. Поэтому нередко полагается, что для достижения политических целей можно пренебречь характером средств и следовать принципу оптимальности нравственного поведения, допускающего определенные зигзаги для достижения политических целей.

Вот почему неукоснительное следование принципам политической морали означало бы моральную аутентичность, навязывание морализаторства политике и политическим деятелям. Полагаться на неукоснительное соблюдение императивов политической морали, на последовательное исполнение политиками призывов поступать нравственно, вести себя достойно во всех без исключения случаях означало бы оторваться от реальной действительности, ее коллизий и противоречий. Рассчитывать на возможность появления политиков, деятельность которых полностью соответствовала бы нравственному абсолюту, по крайней мере, было бы утопично. По справедливому замечанию Н. Лумана, выдвижение однозначно жестких моральных требований к политикам дало бы нам «этически высокоценных политиков, но без политики» [10. С. 72].

И все же мы считаем суждение о том, что для политики нет предпосланного ей морального консенсуса крайним, не отражающим действительного положения дел. Господство в политике аморализма, нарушение достигнутых договоренностей, торжество явного, ничем не прикрытого прагматизма большинства, применение насилия могут привести к значительным потерям. Соблазн полностью оградить политический прагматизм от притязаний морали, как правило, дает кратковременный эффект, в перспективном плане сопровождаемый потерями более значительными, нежели неукоснительное следование морализаторскому подходу.

Признавая, что самоорганизация политической сферы жизнедеятельности нередко выходит из-под морального контроля и моральные коды «хорошо/плохо», «добро/зло» действуют в политике далеко не всегда, считаем справедливой предлагаемую Н. Луманом схему: «правило»/исключение», когда мораль находит отдушину в том, что ставит строгие требования к допущению исключений» [10. С. 70]. В схеме Н. Лумана прослеживается вполне определенная логика: политическая мораль строго следит за отклонениями от ее норм, дает им оценку и, главное, стремится минимизировать исключения из правил до единичных случаев. При таком подходе мораль, выступая регулятором политической жизни и политических отношений, входит в политику до определенного уровня, не растворяясь в ней полностью.

Нельзя не признать справедливость точки зрения Д.И. Петросяна и В.И. Потаповой, которые пишут о том, что политическая мораль допускает применительно к «мотивации принятия политических решений определенные люфты, оставляющие пространство для свободного морального выбора» [2. С. 159]. Продолжая мысль авторов, можно отметить, что свободный моральный выбор тоже в какой-то мере находится под контролем политической морали, ибо предполагает слитность двух требований к средствам морального выбора – эффективности и нравственности, связи целесообразных средств с их нравственными качествами. Политическая мораль определяет также характер морального компромисса – как наиболее сложного и тонкого акта морального выбора. Этот компромисс есть тактическое решение, принимая которое политик не переходит грань между политической тактикой и нарушением условий по политическим обязательствам, политической аутентичностью и политическим цинизмом, политической целесообразностью и неразборчивостью в средствах политической борьбы.

Имея в виду границы дозволенного, устанавливаемого политической моралью, В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов пишут о том, что политическая мораль «не имеет ханжеского характера, не накладывает ригористическое вето на хитроумные комбинации в политической игре, не запрещает маневрирования, своевременного умолчания о целях и замыслах обманных движений, не осуждает словесную и поведенческую жесткость, стремление политиков представить себя в выгодном свете, прибегнуть... к политической рекламе, к популистским шагам» [1. С. 563]. О возможности морального компромисса, на который может пойти политик, писала и виднейший немецко-американский политолог Ханна Арендт, утверждавшая, что «обманы, поскольку они нередко используются вместо более насильственных действий, можно считать относительно безвредными орудиями в арсенале политического действия» [11. Р. 223].

Таким образом, понятие «политическая мораль» фиксирует меру действия моральных факторов в политике и определяет, в какой степени различные участники политического действия, в том числе и те, что придерживаются различных политических интересов, способны воплотить на практике моральные основания деятельности. Политическая мораль призвана ответить на вопрос о том, каковы возможности согласования

конфликтных интересов, ценностей, жизненных позиций всех акторов политического процесса и достижения морального консенсуса между ними. Понятие «политическая мораль» фиксирует нормы поведения, общения и отношения, которые согласуют взаимодействия различных субъектов политической жизни, сглаживают противоречия альтернативных целеполаганий участников политического процесса: индивидов, политических партий, групп и общественных движений. Политическая мораль – это неинституциональный сегмент политической жизни, суть которого – ценностный минимум, который мог бы быть принят всеми участниками политического процесса.

Следует отметить, что в литературе не существует сложившихся, устойчивых представлений о систематизированном кодексе политической морали, своде политических правил, которому могли бы следовать все участники политического процесса. Одну из немногочисленных попыток предпринял А.С. Панарин, который рассматривал политическую этику через призму «правил честной игры», строящихся на следующих принципах:

- игра должна быть открытой, т.е. правом на участие в ней пользуется каждый, независимо от своего социального происхождения и статуса;
- игра должна быть подлинной, т.е. предполагать равенство шансов (стартовых условий);
- включать ясные и обязательные для всех правила, нарушение которых эффективно наказуется;
- судьи (арбитры) должны быть беспристрастными и совершенно не зависеть от давления самих игроков или давления извне [12. С. 149].

Совершенно очевидно то, что определение канона политической морали должно исходить из опыта моральных дозволений и запрещений, регулирующих поступки профессиональных политиков, причастных к политике чиновников, обслуживающих ее ученых, журналистов, юристов, всех тех, кто так или иначе вовлечен в политические процессы. С учетом этого обстоятельства можно, на наш взгляд, выделить следующие принципы политической морали, «универсального ядра моральной интуиции» Ю. Хабермаса, соблюдение которых способствовало бы гармонизации современных политических отношений:

- ответственность власти за принимаемые решения,
- формирование гибких политических механизмов, при

которых такая ответственность была бы не декларативной, а осуществлялась фактически;

- признание политического плюрализма, права того или иного участника политического процесса на собственную позицию, мнение, подход; отказ от конфликтов и насилия как средство решения политических вопросов;

- формирование политической толерантности, создание равных условий для всех участников на различных стадиях политического процесса, недопущение санкций, ущемлений по отношению к тем или иным политическим акторам;

- отказ от неразборчивых средств политической деятельности, слияние политической целесообразности с моральной принципиальностью и гуманностью;

- соблюдение правил профессиональной этики политика: соединение ориентации на достижение программных целей и задач с честностью, принципиальностью, открытостью, умением держать слово.

Выступая своеобразной формой конвенции субъектов политических отношений, политическая мораль, с одной стороны, подкрепляет, цементирует политико-правовые соглашения и регулятивы, а с другой – уточняется и корректируется требованиями участников политического процесса и общественности. Как форма общественного согласия политическая мораль не только закрепляет устои существующего политического строя, определяет слаженность, ритмичность, эффективность функционирования политического организма, но, что чрезвычайно важно, создает условия для дальнейшего совершенствования и развития политических отношений, выявляет дополнительные возможности для конструктивного диалога, открывает новые, подчас неожиданные перспективы.

Таким образом, природа политической морали носит интегративный характер и поэтому может быть осмыслена только в русле синтеза философско-этического и политического дискурсов, а это предполагает объединение усилий философов и политологов в аутентичном осмыслении концепта «политическая мораль». Теоретический анализ указанной темы имеет не только научную направленность, но и получает важнейшее практическое значение и выступает важнейшей предпосылкой развития политической системы, укрепления нравственных начал политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакистановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика политического успеха. Тюмень; Москва: Центр прикладной этики, 1977.
2. Петросян Д.И., Потапова В.И. Становление политической этики в трансформирующемся обществе // Оправдание морали. Москва: Тюмень: Центр прикладной этики, 2000.
3. Dworkin R. Matter of principal. Cambridge: Harvard University Press, 1985.
4. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: Изд-во КДУ, 2004.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
6. Соколова Р. Общечеловеческие ценности: к нетрадиционному пониманию // Свободная мысль. 1994. № 1.
7. Сулимов К.А. Политико-философское понимание насилия: поиски смысла // Полис. 2004. № 3.
8. Дмитриев А.В., Зальцман И.Ю. Насилие: социополитический анализ. М.: Росспэн, 2000.
9. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.
10. Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т. 1.
11. Arendt H. Between past and future: eight exercises in political thought // Harmondsworth Penguin. 1993.
12. Панарин А.С. Политология. М.: Гардарики, 2002.

Статья представлена кафедрой социально-политических дисциплин Казанского института экономики, поступила в научную редакцию «Философские науки» 28 марта 2005 г.